
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК/UDC 340.114.5

DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-13-19

О некоторых аспектах деформации личностного и общественного правосознания

А. М. Дроздова¹, В. В. Ковалев²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

¹ temp17@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2669-4501>

² kraibetovanny777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3327-6751>

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем, связанных с понятием и категорией правосознания – деформации правосознания. В статье рассматриваются и анализируются: понятие правосознания (применительно как к отдельной личности, так и к обществу); разновидности правосознания в зависимости от отношения, как отдельной личности, так и общества к праву и правовым явлениям; понятие деформации правосознания (как общественного, так и личностного), причины и предпосылки, приводящие к деформации правосознания; пути и методы преодоления деформации правосознания, применяемые различными субъектами на различном уровне (начиная от государства и заканчивая отдельно взятым индивидом).

Ключевые слова: правовая информированность, правосознание, правовая культура, деформации правосознания, общество, личность

Для цитирования: Дроздова А. М., Ковалев В. В. О некоторых аспектах деформации личностного и общественного правосознания // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 42, № 2. С. 13–19. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-13-19

Original article

On some aspects of the deformation of personal and public legal consciousness

Alexandra M. Drozdova¹, Vladimir V. Kovalev²

^{1,2} North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

¹ temp17@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2669-4501>

² kraibetovanny777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3327-6751>

Abstract. The article is devoted to one of the urgent problems related to the concept and category of legal consciousness - the deformation of legal consciousness. The article discusses and analyzes: the concept of legal consciousness (as applied to both an individual and society); varieties of legal consciousness depending on the attitude of both an individual and society to law and legal phenomena; the concept of legal consciousness deformation (both social and personal), the causes and prerequisites leading to the deformation of legal consciousness; ways and methods of overcoming the deformation of legal consciousness applied by various subjects at different levels (starting from the state, and ending with a single individual).

Keywords: legal awareness, legal awareness, legal culture, deformations of legal awareness, society, personality

For citation: Drozdova A. M., Kovalev V. V. On some aspects of the deformation of personal and public legal consciousness. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 13–19. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-13-19 (In Russ.).

Приступая к рассмотрению проблем, связанных с деформацией общественного и личностного правосознания, необходимо обратиться к понятию и категории самого правосознания. В данной связи следует отметить, что к настоящему времени

в юридической науке существует большое количество исследований, посвященных проблемам правосознания, в которых данное понятие формулируется достаточно подробно. Не ставя целью анализ существующих определений указанного понятия,

позволим себе взять за основу одно из авторских определений, отражающих, на наш взгляд, основные признаки категории правосознания (в том числе приведенные другими авторами). В соответствии с данным определением под правосознанием понимается "форма общественного сознания, совокупность представлений и чувств, выражающих отношение субъекта к праву, его принципам, нормам, учреждениям и институтам» [15, с. 45].

Вторая часть указанного определения отражает существование двух разновидностей правосознания в зависимости от содержания отношения индивида или общества к праву и правовым явлениям. Как известно, отношение к любому предмету или явлению может формироваться, как на эмоциональном (подсознательном), так и на рациональном (осмысленном) уровнях. Право и правовые явления как объекты отношения к ним в данном случае не являются исключениями. В соответствии с этим эмоциональное отношение к праву формирует правовую психологию, осознанное же отношение к данной категории приводит к формированию правовой идеологии. В указанном отношении можно, на наш взгляд, вполне согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что правовая психология создает основу для обыденного отношения к праву, а правовая идеология выступает своеобразной базой для формирования правовых идей, целей и программ [16, с. 10].

Нельзя не отметить тот факт, что «роль таких феноменов права, как правосознание, правовая культура и правовая идеология весьма значительна, так как именно они, отражая духовные ценности, являются интегральным критерием правового прогресса общества и определяют вектор общественного развития» [4, с. 14].

В соответствии с вышесказанным становится понятным, что если речь идет об отношении к праву и правовым явлениям, то данное отношение как у индивида, так и у общества, может быть разным и сводиться к двум основным формам: положительному, соответственно, отрицательному. И в этом отношении совершенно правы ученые, подчеркивающие, что правосознание не может быть нейтральным [16, с. 14]. Продолжая указанную мысль, они приходят к определению перспектив развития правосознания в зависимости от характера отношения к праву. В случае положительного отношения к последнему правосознание является развитым и достигает высокого уровня, при противоположном отношении к праву подразумевается правосознание, присущее каждому гражданину [16, с. 15]. Последний вид правосознания может быть также определен как обыденное правосознание. Однако не стоит при этом полагать, что обыденное правосознание должно обязательно означать отрицательное отношение к праву. Речь идет о том, что именно в обыденном правосознании присутствует наибольший удельный вес пра-

вовой психологии (т.е. эмоционального отношения к праву), что создает больше предпосылок для эмоционально-критического (т.е. отрицательного) отношения к праву и правовым явлениям.

Надо сказать, что проблема отрицательного отношения к праву и правовым установкам стала объектом научного внимания еще советских ученых-правоведов [7, с. 279; 9, с. 71]. В указанный период данная проблематика рассматривалась через призму причин, обуславливающих криминальное или, по крайней мере, асоциальное поведение индивида. Так, упомянутые исследователи пришли к следующему выводу: противоправное и асоциальное поведение в числе прочих причин становятся результатом слабого развития правовых ценностей у индивида, выражающегося в правовом негативизме правосознания личности или правовом инфантилизме» [7, с. 279; 9, с. 71]. На последнем термине, выраженном в приведенном научном тезисе, следует остановиться подробнее. Дело в том, что правовой инфантилизм как раз выступает одной из разновидностей деформации правосознания. По содержанию правовой инфантилизм, по сути, представляет собой правовую пассивность, выражающуюся в слабом использовании индивидом самого права в ситуациях, когда именно обращение к праву является наиболее оптимальным, целесообразным и законным способом решения указанной проблемы. При этом зачастую используются иные (не связанные с правом или противоположные ему) способы разрешения данной ситуации. Это же, в свою очередь, может привести к правовой безответственности. Определенными причинами правового инфантилизма могут выступать: 1) слабая правовая информированность (хотя у индивида в отношении себя может быть противоположное мнение на данный счет), 2) недостаточная ориентация на право как на общественный регулятор [16, с. 16].

Однако, если продолжать разговор об отрицательном отношении к праву и правовым явлениям как фактору, ведущему к деформации правосознания, нельзя не сказать и о таком соответствующем понятии и категории, как правовой нигилизм. Как и в случае с правовым инфантилизмом, проблема правового нигилизма была поднята еще советской юридической наукой. Отдельные ее представители уже в указанный период отмечали, что правовой нигилизм выступает разновидностью деформации правосознания, встречающейся чаще всего [17, с. 152]. Эти же исследователи выделяли и формы проявления правового нигилизма: 1) равнодушное отношение к праву, 2) недоверие к праву (неверие в право), 3) отрицание права (в свою очередь, подразделяется на: а) отрицание права как такового (как системы), б) отрицание действующего права (его критика) с возможным предложением альтернативных правовых установлений) [17, с. 152].

Характерно то, что и в постсоветское время отдельные ученые-правоведы практически так же трактуют основные проявления (и, одновременно, содержание) правового нигилизма. Одни из них подчеркивают, что среди основных форм проявления правового нигилизма следует назвать резко отрицательное отношение к праву и правовым нормам, непризнание права в качестве социальной ценности [3, с. 24]. Другие указывают на то, что в общественном сознании правовой нигилизм проявляется в низкой оценке права, его юридических и социальных возможностей [5, с. 14]. Отмеченное совпадение характеристики правового нигилизма, даваемой представителями отечественной юридической науки, на наш взгляд, не случайно и подчеркивает не совсем позитивную особенность. Она заключается в том, что в российском обществе (как и в советском), право, к сожалению, так и не стало той фактической базовой ценностью, на основе которой отдельно взятый индивид и общество выстраивают не только свою повседневную жизненную траекторию, но и, порой, систему официальных отношений. И, если применительно к советскому периоду такая особенность была более объяснима (к примеру, потому что при тоталитарном режиме правовое государство, как правило, является антиподом «справедливого государства» [5, с. 15]), то в постсоветский период (когда новая система, казалось бы, предопределила приоритет права) данное положение вещей выглядит не совсем логичным.

Однако ситуация парадоксальна только на первый взгляд. Нам бы не хотелось сейчас присоединиться, в полной мере, к известному расхожему мнению, в соответствии с которым правовой нигилизм — это традиционная российская черта. Но, вместе с тем, нельзя не отметить замечания некоторых ученых, в основе которых лежит утверждение о том, что для российского государства характерно то, что в системе общественных ценностей право не занимает ведущее место (уступая приоритет таким категориям, как, к примеру, этические, нравственные или религиозные нормы) [16, с. 20]. Право же, по мнению указанных ученых, в сознании многих россиян выступает не в качестве одной из основ общественного устройства, а, в большей степени, как репрессивный механизм и «ограничитель» свободы [16, с. 20].

Не будем отрицать возможную категоричность вышеприведенной авторской позиции. С другой стороны, особенности отечественного исторического развития, действительно, не создали оптимальных и полноценных предпосылок для формирования в отечественном общественном сознании подлинной ценности права и его авторитета. Не вдаваясь в подробности, подчеркнем характерную отечественную тенденцию — подчиненное положение права (как института) по отношению к государству (как институту). Здесь можно также сослаться на отдельные авторские позиции. Первая из

них базируется на тезисе о некоей традиционной привычке к игнорированию прав и свобод человека (на разных этапах отечественного исторического развития), сопровождавшемуся явным возвышением государства (в виде различных систем и режимов) над правом [12, с. 52]. В соответствии со второй позицией различные традиции и обычаи, укоренившиеся в отечественном общественном сознании, зачастую фактически доминируют над правовыми установками [16, с. 22].

По сути обе позиции говорят о неких конкретно-исторических условиях. И если предпосылки для укрепления авторитета государства в этих условиях были весьма благоприятны, то в отношении права этого нельзя утверждать безоговорочно.

Если воспринимать право, правосознание и правовую культуру важными феноменами общественного развития, становится понятным, что они, «будучи изначально нравственными, базовыми национальными ценностями и установками, отражают неповторимость и особенности российского народа, а также эталонные основы жизни, формируя, тем самым, традиции, обычаи и определяя важнейшие потребности. А осознанные и востребованные национальные ценности формируют личность, его мировоззрение, правовую культуру и правосознание, его отношение к прошлому, настоящему и будущему страны и народа, степень его ответственности за сохранение и приумножение национального достояния государства» [6, с. 30].

Кроме правового инфантилизма и правового нигилизма, юридическая наука выделяет и некоторые другие разновидности деформации правосознания. Среди таковых ученые называют, к примеру:

1) *перерождение правосознания* — представляет собой осознаваемую соответствующим субъектом эволюцию правосознания в направлении сознательного противопоставления данным индивидом себя правовым требованиям (что может привести к формированию у него противоправного поведения и стимулировать к совершению правонарушений) [8, с. 47; 19, с. 44, 48; 1, с. 482];

2) *правовой дилетантизм* — представляет собой слабую правовую информированность, приводящую к таким негативным последствиям, как неправильное понимание права в целом, отдельных правовых норм, правовых установок и правовых ценностей (при этом все это происходит, зачастую, неумышленно) [5, с. 16];

3) *правовой негативизм* — ставит под сомнение роль права в обществе и системе ценностей, а также предпочитает нормы других (неправовых) общественных регуляторов [16, с. 16; 18, с. 16];

4) *правовой идеализм* — представляет собой «идеализацию» права, преувеличение его роли в жизни общества, убежденность в том, что право выступает средством и инструментом решения не только собственно юридических, но и социальных

(и вообще жизненных проблем) [5, с. 16; 13, с. 24; 1, с. 482; 20];

5) *правовой фетишизм* - крайняя форма правового идеализма, формирование в общественном и индивидуальном сознании некоего «культа» права, следовательно, отсутствие необходимой доли разумного критического подхода к праву (подразумевающего видение перспектив его дальнейшего развития и совершенствования) [5, с. 16; 4, с.18].

Таким образом, весь комплекс разновидностей деформации правосознания подводит нас к определению указанного понятия. И в этом отношении, на наш взгляд, вполне завершенной выглядит следующая трактовка категории «деформация правосознания»: искажение позитивных правовых идей, взглядов, убеждений, чувств, установок, обуславливающие негативные последствия в системе права [10, с. 48].

Выше мы уже говорили о причинах существования отдельных форм деформации правового сознания (к примеру, правового нигилизма). Существуют ли комплексные причины и предпосылки существования указанного явления в целом? Исследователи, уделявшие внимание указанной проблематике, находят некоторые из названных причин. В частности, выделяется следующая особенность: в индивидуальном и общественном правосознании сложилась правовая установка, в соответствии с которой своеобразной «панацеей» от всех социальных проблем выступает увеличение количества принимаемых государством нормативно-правовых актов [5, с. 17]. Сама же эта установка, по мнению авторов, формируется под влиянием следующих факторов:

- сопоставления в индивидуальном и общественном сознании закона и наказания как в качестве неких синонимов (в силу чего происходит смешение и даже подмена этих понятий);

- нежелания, в ряде случаев, тщательного знакомства с содержанием нормативных правовых актов (что приводит зачастую к неправильному их пониманию и, соответственно, неправильному следованию им);

- завышенных ожиданий граждан от законодательства, разрабатываемого и принимаемого государством;

- одобрения со стороны граждан и общества в целом, неправовых действий, приносящих позитивный результат [5, с. 17].

Из всего вышесказанного следует совершенно справедливый вывод: искаженное восприятие правовых норм не способствует формированию должного отношения к праву [5, с. 17].

В связи с вышеизложенным следует отметить, что рассматриваемая проблема некоторое время назад была признана на самом высшем государственном уровне, отражением чего стало принятие Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности

и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации в 2011 году [20]. Анализ содержания документа показывает, что одним из действенных способов преодоления деформации правосознания и повышения его уровня, по мнению государства, является развитие правовой информированности (соответственно правовой грамотности) населения. Конкретная реализация указанного способа подразумевает правовое просвещение граждан в целом, которое должно осуществляться двумя основными способами:

- путем увеличения объема правовых знаний, получаемых учащимися учебных заведений различных видов и уровней (в том числе посредством введения изучения правовых дисциплин);

- через правовое информирование граждан (в частности, путем распространения правовой информации с помощью различных средств и способов) [20].

Таким образом, по справедливому замечанию отдельных ученых, должна быть обеспечена взаимосвязь между качеством правовой информированности, правовой культурой и уровнем правосознания личности [16, с. 24]. Действительно, чтобы гражданин уважал закон и стремился к его исполнению, он, по меньшей мере, должен знать о существовании этого закона и его содержании.

Разумеется, помимо государства, целый комплекс мер по оптимизации отечественного правосознания предлагает и юридическая наука. Остановимся на основных из указанных мер:

- 1) регулярные правовые беседы с учащимися, начиная с уровня школы;

- 2) введение уже в средних учебных заведениях специальных (и, одновременно, всеобщих и обязательных) правовых дисциплин с продолжением их изучения на уровне среднего специального, среднего профессионального и высшего образования;

- 3) постоянное совершенствование процесса правотворчества (выражающегося, в частности, в повышении качества и уровня принимаемых нормативных правовых актов, с ориентацией последних как на развитие государства и общества в целом, так и на решение более текущих проблем, касающихся граждан);

- 4) повышение эффективности действия вышеуказанных нормативных правовых актов, что требует совершенствования системы правоприменения в целом, соответствующих действий как со стороны государства, так и со стороны самих граждан;

- 5) обеспечение в обществе правопорядка, усиление борьбы с правонарушениями (в первую очередь, с преступностью);

- 6) неукоснительное и постоянное обеспечение законности в деятельности как государственных структур, так и отдельных должностных лиц,

чи правомерные действия должны быть примером для остальных граждан;

7) установление в качестве одной из высших общественных ценностей прав человека, совершенствование системы их реализации и защиты;

8) введение в практику деятельности сотрудников правоохранительных органов и других юридических структур регулярных встреч с гражданами с целью правового просвещения последних;

9) повышение качества подготовки студентов юридических вузов как будущих носителей профессионального и научного правосознания;

10) проведение (в случае необходимости) надлежащего реформирования правовой сферы в целом и отдельных ее элементов (звеньев, структур) [16, с. 24; 2, с. 369; 11, с. 382; 6, с. 34].

По справедливому замечанию отдельных исследователей, решение указанных задач не только будет способствовать совершенствованию правосознания, но и позволит нашему обществу выйти из социокультурного кризиса и заново сформировать либо трансформировать институты гражданского общества [16, с. 24].

Обращая особое внимание на просвещение и правовое воспитание обучающихся, отметим, «что правовое воспитание, способствуя правильному осознанию индивидом права, его основных требований, может оказать положительное влияние на формирование рационального отношения человека к праву, что облегчает, когда необходимо, коррекцию этого поведения в нужном обществе направлении. Однако не следует и переоценивать воспитательные функции правовых знаний, полагая, что они играют решающую роль в формировании правового сознания и поведения людей. Важно, чтобы правовые знания человека превратились в его глубокие и стойкие убеждения, применялись им в каждодневном правовом поведении» [3, с. 28].

В заключение хотелось бы привести высказывание известного отечественного теоретика права П.И. Новгородцева, которое, на наш взгляд, может подытожить все изложенное выше: «Если Россия ... не поверит в силу права, ... она никогда не будет иметь успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» [14, с. 137].

Список источников

1. Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 475–494.
2. Васильева К.С. Влияние уровня правосознания на юридическую безопасность общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы III всерос. науч. конф. с междунар. участием (18 декабря 2020 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, 2021. С. 369–375.
3. Гусейнов О.М., Магомедов Ш.Б., Гусейнов Г.О. К вопросу о месте и роли правового воспитания в формировании позитивного правосознания молодежи // Юридический вестник ДГУ. Т. 37. 2021. № 1. С. 24–29.
4. Джамалова Э.К., Рамазанова З.Г. К вопросу о правосознании как идеологическом источнике права // Юридический вестник ДГУ. Т. 35. 2020. № 3. С. 14–18.
5. Донченко Р.Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. 2005. № 6. С. 14–17.
6. Дроздова А.М. Значение правосознания для качественного образования в условиях цифровизации российского общества // Юридический вестник ДГУ. Т. 35. 2021. № 3. С. 27–34.
7. Жигачев Г.А. Правовой нигилизм и иные детерминанты конфликтов в обществе // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 9 (89). С. 279–283.
8. Жуков В.Г. Правовой нигилизм и правовой идеализм как наиболее актуальные и выражающие повышенную общественную опасность формы деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1. С. 47–52.
9. Каландаришвили З.Н. Деформация правосознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 202 с.
10. Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 47–54.
11. Кременец М.Ю. Роль правосознания в обеспечении юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы III всерос. науч. конф. с междунар. участием (18 декабря 2020 года) / под. ред. И.А. Грошевой. Тюмень, 2021. С. 382–389.
12. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юридическая литература, 1978. 191 с.
13. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Теория государства и права: терминологический словарь. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2013. 42 с.
14. Кузакбирдиев С.С. Проблемы реализации практико-ориентированного подхода в подготовке юристов и пути их решения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 2. С. 137–154.

15. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // *Право и жизнь*. 2002. № 47. С. 45–53.
16. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // *Право и политика*. 2012. № 12. С. 8 – 24.
17. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
18. Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 215 с.
19. Осипов Р.А. Деформация правосознания личности в современном российском обществе // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2020. № 3 (134). С. 44–48.
20. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. // *Рос. газ*. 2011. № 151.
21. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации // *Юридическая наука*. 2016. № 1. С. 41–48.
22. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / А.И. Числов, В.Г. Кораблев, С.С. Кузакбирдиев, Е.А. Цишковский. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 222 с.
23. Туманов В.А. О юридическом нигилизме // *Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют*. М., 1989. С. 135–146.
24. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // *Государство и право*. 1993. № 8. С. 52–58.

References

1. Baranov P.P. Pravosochnanie i pravovoe vospitanie [Legal awareness and legal education], *Obshchaya teoriya prava: kurs lektzii* [General theory of law: a course of lectures], N. Novgorod, 1993, pp. 475–494.
2. Vasil'eva K.S. Vliyanie urovnya pravosochnaniya na yuridicheskuyu bezopasnost' obshchestva [Influence of the level of legal consciousness on the legal security of society], *Sotsial'naya bezopasnost' v evraziiskom prostranstve: materialy III vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (18 dekabrya 2020 goda)*, [Social security in the Eurasian space: materials of the III All-Russian scientific conf. with international participation (December 18, 2020)], ed. I.A. Groshevoi. Tyumen': Filial ANO VO «IDK» v Tyumenskoj oblasti, 2021, pp. 369–375.
3. Guseinov O.M., Magomedov Sh.B., Guseinov G.O. K voprosu o meste i roli pravovogo vospitaniya v formirovanii pozitivnogo pravosochnaniya molodezhi [On the question of the place and role of legal education in the formation of a positive legal consciousness of youth], *Yuridicheskii Vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, vol. 37, 2021, no. 1, pp. 24–29.
4. Dzhamalova E.K., Ramzanova Z.G. K voprosu o pravosochnanii kak ideologicheskoy istochnike prava [On the issue of legal consciousness as an ideological source of law], *Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, vol. 35, 2020, no. 3, pp. 14–18.
5. Donchenko R.N. Pravovoi nigelizm kak ustoyavsheesya obshchesotsial'noe yavlenie [Legal nihilism as an established general social phenomenon], *Yurist [Lawyer]*, 2005, no. 6, pp. 14–17.
6. Drozdova A.M. Znachenie pravosochnaniya dlya kachestvennogo obrazovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii rossiiskogo obshchestva [The importance of legal awareness for quality education in the digitalization of Russian society], *Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, vol. 35, 2021, no. 3, pp. 27–34.
7. Zhigachev G.A. Pravovoi nigelizm i inye determinanty konfliktov v obshchestve [Legal nihilism and other determinants of conflicts in society], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov University. Ser.: Humanities]*, 2010, no. 9 (89), pp. 279–283.
8. Zhukov V.G. Pravovoi nigelizm i pravovoi idealizm kak naibolee aktual'nye i vyrazhayushchie povyshennuyu obshchestvennuyu opasnost' formy deformatsii pravosochnaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Legal nihilism and legal idealism as the most relevant and expressing the increased social danger of the form of deformation of the legal consciousness of employees of the internal affairs bodies], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2020, vol. 11, no 1, pp. 47–52.
9. Kalandarishvili Z.N. Deformatsiya pravosochnaniya molodezhi i yuridicheskie sposoby ee preodoleniya: teoretiko-pravovoi aspekt [Deformation of the legal consciousness of youth and legal ways to overcome it: theoretical and legal aspect]: Cand. Law sci. diss. SPb., 2005. 202 p.
10. Karpets I.I., Ratnikov A.R. Pravosochnanie i prichiny prestupnosti [Legal consciousness and the causes of crime], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law]*, 1968, no 12, pp. 47–54.
11. Kremenets M.Yu. Rol' pravosochnaniya v obespechenii yuridicheskoi bezopasnosti [The role of legal consciousness in ensuring legal security], *Sotsial'naya bezopasnost' v evraziiskom prostranstve [Social security in the Eurasian space: materials of the III All-Russian]*: materialy III vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (18 dekabrya 2020 goda), ed. I.A. Groshevoi. Tyumen', 2021, pp. 382–389.
12. Kudryavtsev V.N. Pravo i povedenie [Law and behavior]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1978. 191 p.

13. Kuzakbirdiev S.S., Mukhamatulina L.M. Teoriya gosudarstva i prava: terminologicheskii slovar' [Theory of state and law: a terminological dictionary]. Tyumen': Filial Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava v Tyumenskoi oblasti, 2013. 42 p.
14. Kuzakbirdiev S.S. Problemy realizatsii praktiko-orientirovannogo podkhoda v podgotovke yuristov i puti ikh resheniya [Problems of implementing a practice-oriented approach in the training of lawyers and ways to solve them], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research], 2019, vol. 5, no 2, pp. 137–154.
15. Matuzov N.I. Pravovoi nihilizm i pravovoi idealizm kak yavleniya rossiiskogo politicheskogo mentaliteta [Problems of implementing a practice-oriented approach in the training of lawyers and ways to solve them], *Pravo i zhizn'* [Law and Life], 2002, no. 47, pp. 45–53.
16. Matuzov N.I. Pravovoi nihilizm kak obraz zhizni [Legal nihilism as a way of life], *Pravo i politika* [Law and Politics], 2012, no 12, pp. 8–24.
17. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale [About the social ideal]. Moscow, Pressa Publ., 1991, 640 p.
18. Osipov R.A. Pravovaya informirovannost' i pravosoznanie grazhdan: voprosy teorii [Legal awareness and legal consciousness of citizens: questions of theory]: Cand. Law. sci. diss. Saratov, 2018, 215 p.
19. Osipov R.A. Deformatsiya pravosoznaniya lichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve [Deformation of the legal consciousness of the individual in modern Russian society], *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2020, no. 3 (134), pp. 44–48.
20. Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere razvitiya pravovoi gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan [Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal awareness of citizens]: utv. Prezidentom RF 28 aprelya 2011 g. *Ros. Gaz.*, 2011, no. 151.
21. Strugova E.V. O pravosoznanii i ego deformatsii [On legal consciousness and its deformation], *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2016, no. 1, pp. 41–48.
22. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe naglyadnoe posobie [Theory of state and law: educational visual aid], ed. Chislov A.I., Korabev V.G., Kuzakbirdiev S.S., Tsishkovskii E.A. Tyumen': Tyumenskii filial Akademii prava i upravleniya, 2006, 222 p.
23. Tumanov V.A. O yuridicheskom nihilizme [On legal nihilism], *Pul's reform. Yuristy i politologi razmyshlyayut* [Pulse of reforms. Lawyers and political scientists reflect]. Moscow, 1989, pp. 135–146.
24. Tumanov V.A. Pravovoi nihilizm v istoriko-ideologicheskom rakurse [Legal nihilism in the historical and ideological perspective], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1993, no. 8, pp. 52–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Российская Федерация. *E-mail: temp17@rambler.ru*

Ковалев Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Российская Федерация. *E-mail: kraibetovanny777@mail.ru*

Поступила в редакцию 13.02.2022 г.; одобрена после рецензирования 24.04.2022 г.; принята к публикации 26.04.2022 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Drozдова Alexandra Mikhailovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation. *E-mail: temp17@rambler.ru*

Kovalev Vladimir Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Culture and Human Rights Protection of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation. *E-mail: kraibetovanny777@mail.ru*

Received 13.02.2022; approved after reviewing 24.04.2022; accepted for publication 26.04.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.